

Иван Васильевич РАЗУМОВ родился 4 января 1972 г. в поселке Павлова Егорьевского района Московской области.

В 1997 г. окончил юридический факультет Калининградского государственного университета.

В 1994–1996 гг. служил в органах внутренних дел.

В 1996–2003 гг. — консультант, заместитель начальника государственно-правового управления Калининградской областной думы.

В 2003–2006 гг. — помощник судьи Высшего Арбитражного Суда РФ; в 2006–2010 гг. — судья Девятого арбитражного апелляционного суда; в 2010–2014 гг. — судья, председатель судебного состава Высшего Арбитражного Суда РФ.

С 6 августа 2014 г. — судья, и.о. председателя судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

С 14 января 2015 г. по наст. вр. — председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Имеет высший квалификационный класс судьи.

Законодательство о банкротстве требует не точечного, а системного реформирования

Иван Васильевич Разумов,

председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ

— Нагрузка на арбитражные суды увеличивается с каждым годом. Скоро количество рассматриваемых дел превысит 2 млн в год. Значительную их часть составляют дела о банкротстве граждан и юридических лиц. Какие меры, кроме уже принятых, готовит Верховный Суд по снижению нагрузки на арбитражные суды в целом и на отдельных судей в частности?

— Мне представляется, что прежде всего необходимо принять меры, направленные на понуждение арбитражных управляющих к исполнению обязанности по представлению в суд профессиональных суждений относительно обоснованности требований, предъявленных к несостоятельному должнику.

Сегодня нередки случаи, когда управляющий уклоняется от выражения позиции по требованиям кредиторов, представлению опровергающих эти требования документов, ограничиваясь составлением формального отзыва, в котором содержится лишь одна фраза: разрешение требования оставляю на усмотрение суда.

Однако без свидетельств, собранных арбитражным управляющим — лицом, которое видит весь спектр отношений должника с иными субъектами экономической деятельности, справедливое рассмотрение дела о несостоятельности существенно затрудняется.

Внесенным Верховным Судом в Государственную Думу законопроектом, принятым в первом чтении¹, предлагается закрепить правило о том, что требования кредиторов первоначально рассматриваются арбитражным управляющим. Перенос стадии судебного контроля на этап проверки законности и обоснованности принимаемых управляющими решений, с одной стороны, заставит управляющих полноценно исполнять свои

¹ Проект федерального закона № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“».

обязанности — анализировать требования кредиторов, высказывать по ним суждения, принимать решения и нести за них ответственность, а с другой — разгрузит суды первой инстанции, исключив требования, по которым не возникло разногласий, из числа устанавливаемых судами, и позволив им сосредоточиться на действительно актуальных спорах.

Ко второму чтению мы внесли предложения о создании электронной информационной системы учета требований кредиторов, в том числе по текущим платежам, которая содержала бы систематизированные актуальные сведения о каждом кредиторе, о моменте, основаниях возникновения и размере его требования, возражениях по данному требованию, о совершенных арбитражным управляющим финансовых операциях по погашению долгов. Эта система должна быть привязана к официальному сайту арбитражного суда и доступна всем кредиторам должника бесплатно. Раскрытие перед независимыми кредиторами соответствующей информации позволит обеспечить подлинный контроль с их стороны как за реальностью предъявленных должнику требований, так и за расходованием денежных средств управляющим, существенно усложнит проведение незаконных операций и, как следствие, уменьшит количество заявлений об их оспаривании в судебном порядке.

— Как Вы полагаете, действительно ли арбитражные управляющие готовы принять на себя функцию по включению в реестр требований кредиторов, как это происходит сейчас в делах о банкротстве застройщиков?

— Мы все знаем, что действующий Закон о банкротстве² именно на арбитражного управляющего возлагает обязанность по проведению анализа финансового состояния должника, выявлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, проверке долговых обязательств и отысканию активов. Как антикризисный менеджер он не вправе перекладывать эти функции на иных лиц, в том числе на суд, у которого другая задача — разрешение споров. Суд не собирает доказательств по собственной инициативе. Его компетенция ограничена исследованием тех материалов, которые имеются в деле и были представлены участниками арбитражного процесса. Если управляющий не может проанализировать предъявленное к конкурсной массе требование и высказать по нему профессиональное суждение, то он в принципе не способен вести процедуры банкротства и должен быть отстранен от исполнения возложенных на него полномочий.

Поэтому я не согласен с высказываниями о том, что Верховный Суд своим законопроектом накладывает на управляющего какие-то дополнительные обязанности. Мы лишь пытаемся понудить управляющих совершать те действия, за которые они уже сегодня получают вознаграждение из конкурсной массы.

— Высший Арбитражный Суд прекратил свое существование в 2014 г. В чем, как Вам видится, сохранилась (и в чем нет) преемственность между ним и Верховным Судом?

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

— Преемственность в части применения правовых позиций Высшего Арбитражного Суда прямо закреплена законодателем³: данные его Пленумом разъяснения по вопросам судебной практики сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда.

Другое дело, что жизнь не стоит на месте. Законодательство о несостоятельности меняется, например появился институт потребительского банкротства граждан, модернизированы правила привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц. На современном этапе развития общества возникают новые проблемы, которые необходимо разрешить судебной практике. Верховный Суд не может стоять в стороне от этих процессов. Поэтому нами подготовлен ряд обзоров судебной практики — по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве, об оспаривании решений собраний и комитетов кредиторов — и постановлений Пленума (два по потребительскому банкротству — о некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан, об особенностях формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан, одно — о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве). Анализируя эти документы, я могу сказать, что Верховный Суд развивает ранее выработанные правовые позиции, во многом сохраняя преемственность.

— Наш номер посвящен банкротству. Представляется, что многие проблемы возникают из-за отсутствия проработанной теоретической базы. Это порождает бесконечные изменения в законодательстве, разрушает его систему. Даже юристам, не говоря уже об обычных участниках гражданского оборота, порой очень сложно в этом разобраться. При этом в России, очевидно, прокредиторская модель банкротного процесса, а примирительные процедуры абсолютно не работают. Поэтому должники вынуждены прибегать к различным и не всегда законным способам восстановления этого баланса. Вследствие борьбы со злоупотреблениями появляются дополнительные меры по недопущению вывода активов должником, субординация и пр. Однако по статистике удовлетворение все равно получают лишь около 5% требований кредиторов, не обеспеченных залогом. Такая ситуация безусловно негативно сказывается на гражданском обороте. Может быть, уже пора проводить полноценную реформу законодательства о банкротстве? Или проблема должна решаться путем судебного правотворчества?

— Начну со второй части вопроса. Я бы говорил не о судебном правотворчестве, а о судебном толковании. Необходимость такого толкования действительно существует. Это обусловлено тем, что в Законе о банкротстве довольно много норм, содержащих неоднозначные или противоречивые предписания. Данные противоречия должны устраняться через толкование. Другие нормы Закона о банкротстве сформулированы в слишком общем виде, поэтому суду посредством толкования необходимо уяснить, какая модель поведения является должной, что требуется от участника гражданского

³ См.: ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „Об арбитражных судах в Российской Федерации“ и статью 2 Федерального конституционного закона „О Верховном Суде Российской Федерации“».

оборота. И наконец, по ряду вопросов в Законе имеются явные пробелы, которые также требуют восполнения.

Что касается реформы законодательства о банкротстве, то я сторонник такого реформирования, но не точечного, как это происходит сейчас, а системного.

Я думаю, что нам следует создать законодательные условия подлинной независимости арбитражных управляющих, повысить эффективность института саморегулирования их деятельности. В ситуации, когда конечный бенефициар должника имеет полный контроль над принимаемыми собранием кредиторов решениями, кандидатура арбитражного управляющего фактически предлагается этим конечным бенефициаром. Мотивы выбора кандидата конечным бенефициаром, как правило, основываются на ранее достигнутых устных договоренностях о непринятии управляющим мер по наполнению конкурсной массы. Соответствующие договоренности не оформляются документально и в ряде случаев не могут быть доказаны независимыми участниками оборота. Такой управляющий либо бездействует и не оспаривает фиктивные долги, либо активно противодействует кредиторам. Настоящие кредиторы вынуждены вести постоянную борьбу с управляющим, выполнять несвойственные им функции по самостоятельному отысканию свидетельств недобросовестного поведения должника и его органов управления, оспариванию незаконных операций и взысканию убытков.

Не секрет, что сегодня саморегулируемые организации не всегда принимают должные меры к прекращению членства лиц, проявивших недобросовестность, в полной мере не справляются с возложенными на них контрольными функциями. Признание в судебном порядке незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего не рассматривается как основание для снижения имиджевого рейтинга той саморегулируемой организации, членом которой он является, и само по себе не влияет на возможность осуществления ею деятельности на рынке услуг по антикризисному управлению.

Мы понимаем, что некорпоративная модель финансирования подконтрольного общества (например, через займы) сегодня стала наиболее выгодной для конечного бенефициара: при банкротстве он пытается на равных с независимыми кредиторами участвовать в управлении несостоятельным должником. Если же принятое им управленческое решение окажется удачным и принесет значительную прибыль, то дополнительные дивиденды получит один лишь бенефициар, независимые кредиторы не извлекут никакой дополнительной выгоды. То есть возникает очевидный дисбаланс между интересами бенефициаров и независимых кредиторов: рискуем на равных, разделяя на случай банкротства неудачи поровну, а успех остается за бенефициаром.

Это подогревает стремление конечных бенефициаров должника любой ценой, в том числе через создание фиктивных долгов, приобрести статус мажоритарного кредитора.

Объективные сомнения в действительности требования кредитора могут возникнуть у арбитражного суда лишь в ситуации, когда участвующие в деле лица собрали хотя бы минимальную совокупность согласующихся между собой косвенных доказа-

тельств. Однако независимым кредиторам зачастую сложно представить даже такие минимальные косвенные свидетельства мнимости требования. Сами же по себе предположения независимых кредиторов, никак не подтвержденные документально, не могут быть положены в основу судебного решения, которое в силу процессуального закона должно быть обоснованным и мотивированным.

Мне кажется, что настало время на уровне закона ввести правила, которые исключали бы возможность приобретения конечными бенефициарами должника и связанных с ними лицами контроля над процедурами банкротства.

Ну и, конечно, мы наблюдаем неэффективность торгов в процедурах банкротства. Система реализации имущества должна быть изменена.

Если мы решим три перечисленные задачи: независимость управляющего, устранение влияния конечных бенефициаров на процедуры банкротства и повышение результативности торгов, процент удовлетворения требований кредиторов будет намного выше нынешних 5.

— С чем связан расцвет института субсидиарной ответственности контролирующих лиц?

— Прежде всего хотелось бы напомнить, что ответственность контролирующих лиц за доведение до банкротства подконтрольных компаний включена еще в первую редакцию части первой Гражданского кодекса РФ 1994 г. (ст. 56).

Поэтому я не могу согласиться с утверждениями некоторых авторов о том, что новая глава об ответственности контролирующих лиц разрушила институт юридического лица, базирующийся на незыблемых правилах об обособлении его имущества и ограничении ответственности участников (акционеров) объемом внесенного в уставный капитал.

Концепция о том, что такая фикция, как юридическое лицо, не может быть использована для недобросовестного ведения бизнеса и в качестве ширмы, спасающей непосредственного причинителя вреда от ответственности перед другими участниками оборота, впервые появилась, конечно, не два года назад и не в Российской Федерации. Доктрина прокалывания корпоративной вуали разрабатывается уже довольно давно.

Оценивая положения специальной главы III.2 Закона о банкротстве, я для себя сделал два вывода: с одной стороны, эта глава, на мой взгляд, особо не изменила прежнее правовое положение контролирующих лиц и кредиторов в материальном аспекте; однако, с другой стороны, она оказала существенное влияние на процессуальные отношения по доказыванию, вызвала серьезные перемены в части, касающейся мотивировок судебных решений. А это, в свою очередь, привело к всплеску научных дискуссий о том, что же такое бремя доказывания, насколько допустимо говорить о переходе этого бремени с одной стороны спора на другую в контексте российского процессуального права, и возобновило обсуждения по поводу стандартов доказывания.

В Арбитражном процессуальном кодексе правила о доказывании сформулированы довольно лаконично: каждый доказывает то, что он утверждает.

Еще совсем недавно мы довольно часто сталкивались с тем, что ответчик совершенно спокойно бездействует в процессе, не пытаясь как-либо доказать свою непричастность к заявленному истцом правонарушению. Согласно этому подходу неоспаривание утверждений истца ни при каких обстоятельствах не приравнивается к их признанию. Истец же, наоборот, должен доказать иск очень основательно, т.е. представить все доказательства, которые не оставили бы ни одного сомнения в правильности его требований.

Недоказанность причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и банкротством являлась основной причиной редкого удовлетворения исков о привлечении к ответственности за доведение до банкротства.

Законодатель предпринял попытку сформулировать через установление опровержимых презумпций некоторые типичные ситуации, при которых причинно-следственная связь между наступившим банкротством и поведением контролирующего бенефициара предполагается. Так, в Законе о банкротстве мы находим презумпцию доведения до банкротства в результате совершения ряда сделок, которыми причинен существенный вред кредиторам. К их числу относятся, в частности, значимые для должника сделки (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными.

Теперь ситуация с доказыванием иска об ответственности контролирующего лица выглядит иначе: данная презумпция позволяет считать доказанным главный факт — наличие причинно-следственной связи между поведением бенефициара и банкротством подконтрольной компании — в случае установления судом вспомогательного факта — совершения по указанию бенефициара существенно значимых убыточных сделок. Иначе говоря, сейчас молчание бенефициара ставит его под угрозу проигрыша дела.

Какие доказательства ему следует представить? Ответ на этот вопрос дают Закон о банкротстве и разъяснения Верховного Суда⁴.

Например, его спасает правило делового решения. Однако в ситуации доказанности вспомогательного факта это правило уже не применяется автоматически. Привлекаемое к гражданской ответственности лицо должно доказать, что его действия, повлекшие негативные последствия, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов. Он подтверждает, что вред, исходя из разумных ожиданий, не должен был привести к объективному банкротству должника.

Или же он может воспользоваться другим вариантом — обосновать, что банкротство обусловлено иными обстоятельствами, скажем внешними факторами (неблагоприят-

⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве».

ной рыночной конъюнктурой, финансовым кризисом, существенным изменением условий ведения бизнеса, авариями, стихийными бедствиями).

То есть защита из пассивного молчания и простого отрицания переходит в активную стадию.

Следующая типичная ситуация, предусмотренная законодателем, — непередача документации должника арбитражному управляющему. Законодатель вводит, как мне представляется, вполне разумную презумпцию того, что обычной причиной сокрытия документов от кредиторов является попытка освободиться от ответственности через уничтожение доказательственной базы своей виновности. И в этой ситуации правила о доказывании начинают работать еще более интересно.

На истце лежит лишь обязанность сформулировать свои утверждения. Он должен представить суду объяснения того, как отсутствие документации (отсутствие в ней полной информации или наличие искаженных сведений) повлияло на проведение процедур банкротства. На истца не возлагается бремя подтверждения доказательствами отрицательного факта непередачи документов.

На ответчике же лежит обязанность не только изложить возражения по иску, но и обосновать их документально, т.е. доказать, что недостатки представленной управляющему документации не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства либо что его вина в непередаче, ненадлежащем хранении документации отсутствует, в частности подтвердив, что им приняты все необходимые меры для исполнения обязанностей по ведению, хранению и передаче документации при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась.

Хотел бы упомянуть и третью презумпцию — презумпцию превалирующей задолженности перед бюджетом. Она предполагает, что действия контролирующего лица стали причиной банкротства при доказанности двух вспомогательных фактов: (1) должник привлечен к налоговой ответственности за неуплату налогов в результате занижения налоговой базы или других неправомерных действий; (2) доначисленные по результатам мероприятий налогового контроля суммы налога составили более 50% совокупного размера основной задолженности перед всеми кредиторами.

Попробуем разобрать логику законодателя.

Налоговые и сходные с ними иные публичные обязательства организаций не существуют сами по себе, они являются прямым следствием деятельности юридического лица в экономической сфере и неразрывно с нею связаны: их возникновению, как правило, предшествует вступление организации в гражданские правоотношения. То есть налоговые обязательства базируются на гражданско-правовых отношениях либо тесно с ними связаны. При этом общий объем налоговых платежей в обычном обороте не может превышать общий объем платежей в пользу контрагентов.

Законодатель, по сути, ввел презумпцию, что если основной объем непогашенной задолженности организации составил долг перед бюджетом, причем этот долг не декларировался ею, то, значит, бенефициар выбрал недобросовестную модель ведения бизнеса, что и стало причиной банкротства. Бенефициар, опровергая презумпцию,

представляет доказательства причин, вызвавших дисбаланс в структуре долговых обязательств.

Это яркое проявление принципа «доказывает тот, кто знает». Основное бремя доказывания, в сущности, возлагается на того, кто располагает всем объемом необходимой информации о действительной модели ведения предпринимательской деятельности. К истцу же предъявляется относительно невысокий стандарт доказывания.

Но о стандарте доказывания, как мне представляется, стоит поговорить отдельно.

Мы коснулись проблемы объективной сложности доказывания причинно-следственной связи. Не менее сложно решить проблему доказывания статуса бенефициара.

Изначально практика шла по пути того, что отношения контроля и подчиненности должны быть основательно подтверждены доказательствами со стороны истца, не оставляющими никаких разумных сомнений в правильности его требования. Это могли быть, например, исходящие от бенефициара документы, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику относительно его деятельности.

Однако конечный бенефициар, как правило, юридически не формализует свое положение. В этой ситуации может помочь принцип представления достаточно серьезных на первый взгляд (*prima facie*) доказательств, т.е. доказательств, достаточных для того, чтобы согласиться с утверждением истца о бенефициарном статусе ответчика, если не будет представлено иных, опровергающих доказательств.

Законодатель указывает один из типичных вариантов представления таких достаточно серьезных доказательств через закрепление презумпции контроля конечного выгодоприобретателя.

Ее суть заключается в следующем. Для признания ответчика контролирующим лицом, на первый взгляд, достаточно, чтобы истец доказал, что он извлек существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности.

Таким образом, истец, по сути, сбрасывает бремя представления полного набора доказательств, представив доказательства *prima facie*. В этом случае ответчик несет доказательственное бремя подтверждения отрицательного по своей сути факта — того, что он не является конечным бенефициаром. При этом доказывание отрицательного факта вполне возможно через доказывание иных фактов, например того, что его поведение являлось добросовестным, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами.

Поэтому суть закона, на мой взгляд, через одну из категорий дел изменить наши взгляды на правила о доказывании.

Наверное, именно детализация правил о доказывании дала кредиторам реальный шанс получить удовлетворение за счет причинителя вреда и, как Вы сказали, привела к расцвету института субсидиарной ответственности.

— Верховный Суд допускает возможность сальдирования (уменьшения стоимости по договору в случае ненадлежащего исполнения обязательств должником) требований, которые не будут в таком случае считаться как нарушающие очередность погашения требований кредиторов. А как будет рассматриваться в такой ситуации условие договора о выплате неустойки или штрафа?

— Судебная коллегия по экономическим спорам рассматривала вопрос о сальдировании на примере подрядных сделок при банкротстве подрядчика.

Обязательственное правоотношение по договору подряда состоит из двух основных встречных (магистральных) обязательств, определяющих тип договора: обязательства подрядчика выполнить в натуре работы надлежащего качества в согласованный сторонами срок и обязательства заказчика уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой.

Из встречного характера магистральных обязательств и положений Гражданского кодекса об обязанности неисправной стороны возместить причиненные кредитору убытки следует, что в случае ненадлежащего исполнения магистрального обязательства со стороны подрядчика им не может быть получена та сумма, на которую он мог бы рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом.

Например, никто из нас не готов заплатить полную стоимость за ремонт машины, которую надо было срочно починить к завтрашней поездке в отпуск, если из ремонта ее выдали через месяц после отпуска, тем более если ремонт оказался некачественным.

Следовательно, ненадлежащее выполнение подрядчиком работ не позволяет признать его лицом, которому действительно причитаются денежные средства в размере всей договорной цены.

Если стороны договора подряда установили ответственность за нарушение срока выполнения работ, то главной целью зачетной неустойки будет покрытие убытков заказчика, вызванных просрочкой передачи ему результата работ. Само по себе применение при сальдировании, по сути, при перерасчете цены, неустойки в качестве упрощенного механизма компенсации потерь заказчика не является основанием для признания недействительными действий по сальдированию на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве, так как заказчик не получает никакого предпочтения.

Одновременно Судебная коллегия раскрыла механизм защиты прав должника: полагая, что сумма учтенной при сальдировании неустойки явно несоразмерна последствиям допущенного им нарушения магистрального обязательства, он может предъявить кредитору иск о взыскании излишне учтенных денежных средств со ссылкой на ст. 333 Гражданского кодекса.

— Соблюдение принципа добросовестности пронизывает всю процедуру банкротства. Вы отмечали на седьмом заседании Клуба имени Замятина, посвящен-

ном проблеме добросовестности, что добросовестность и справедливость — разные понятия. Какие критерии этого различия можно выделить?

— На мой взгляд, справедливость воспринимается каждым судьей, впрочем, как и любым другим обычным человеком, субъективно — исходя из той жизненной ситуации, в которой он находится, традиций, заложенных при воспитании, национальных ценностей, свойственных тому или иному народу. Если бы судья действовал из своих личных соображений о справедливости, мы бы с вами забыли, что такое правовая определенность, — при сходных обстоятельствах выносились бы диаметрально противоположные судебные решения. С этим я согласиться не могу.

В отличие от справедливости принцип добросовестности основывается на определенных стандартах поведения — тех, которые не только приняты в обществе на современном этапе его развития, но и поддерживаются правом, соответствуют целям законодательного регулирования тех или иных отношений, т.е. представляют собой дух закона. Именно базовые ценности, которые заложены в Законе о банкротстве, и предопределяют содержание принципа добросовестности применительно к отношениям несостоятельности. При этом не стоит забывать, что конкретные нормы права формулируются законодателем через призму принципа добросовестности. В частности, на принципе добросовестности основаны положения Закона о недействительности сделок, совершенных в целях причинения вреда кредиторам. Исходя из этого использование судом при разрешении спора принципа добросовестности может быть оправдано тогда, когда применение правовых норм общего или специального характера, аналогии закона приводит к результату, противоречащему целям и задачам правового регулирования.